

Тарас Шевченко. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://zoschenkomihail.ru/> Приятного чтения!

Тарас Шевченко. Михаил Михайлович Зоценко

Тяжко с матерью прощаться
У бескрышной хаты,
Еще горше в мире видеть
Слезы да заплааты.

Т. Шевченко

1. Народный поэт

Современники называли Шевченко «мужичьим поэтом».

И это было именно так.

Шевченко был доподлинно мужицкий поэт.

Любители изящной словесности, называя так поэта, конечно, не собирались делать ему комплимент. Напротив, в это слово «мужичий» вкладывались насмешка и брань.

Многие критики того времени считали, что поэзия должна воспитывать в народе изящные и нежные чувства, должна прививать эстетические взгляды на жизнь, поднимать народ до себя, очищать и облагораживать простонародную речь.

А у Шевченко встречались такие ужасные и несалонные слова: пузо, брюхо и так далее.

Это шокировало критику в высшей степени. Кроме того, поэзия Шевченко казалась слишком уж прямолинейной, – поэт призывал закрепощенных крестьян к восстанию, к борьбе против помещиков, против царя и церкви.

Это тоже смущало критику. Казалось, что поэзия бралась не за свое дело. И в силу этого большинство критиков того времени не признало Шевченко истинным поэтом.

Даже Белинский – его брат по духу – едко и зло посмеялся над ним.

Но это была ошибка до некоторой степени понятная. Слишком уж нова и непривычна была такого рода мужицкая поэзия.

Шевченко не был сразу оценен критикой, но зато он был тотчас оценен народом.

Первая его книга «Кобзарь» произвела на читателей неслыханное впечатление. Его книга, попавшая на родину, была подобна разорвавшейся бомбе – так это было сильно, оглушительно, необычайно и действенно.

Мужицкий поэт сразу пришелся по вкусу народу, потому что он и был подлинный поэт народа, подлинный его представитель. Он не искажал народные думы и чувства своими субъективными добавлениями. Вернее – его чувства совпадали с чувствами народа.

Тут не было фальсификации ни на один грамм, как это невольно могло быть у поэта, вышедшего из другой среды.

Критик Добролюбов, один из немногих критиков, своим блестящим умом понял Шевченко. Он писал о нем:

«Тарас Шевченко – поэт совершенно народный, такой, какого мы не можем указать у себя».

Добролюбов был прав. До Шевченко не было у нас поэта более народного, более понятного массам.

Шевченко стал выразителем духовной жизни народа. Но его поэзия не была только украинской поэзией. И не потому, что темы Шевченко не ограничивались пределами Украины, а потому, что его тема была близкой и необходимой темой для многих народов. Безжалостная эксплуатация человека, бесправие, насилие и гнет не являлись печальным достоянием одного украинского народа.

Но Шевченко не был только выразителем народных дум и надежд. Он как бы сосредоточил в себе духовные качества украинского народа – его мощь, силу, светлый ум, его доброе сердце, мужество, энергию, волю и настойчивость.

Всею своей жизнью, всею своею поэзией Шевченко показал, как может быть силен и мужествен человек, как он может быть неподкупен, как велика его честность, как страшен его гнев и как непреклонна его воля к свободе и независимости.

Всею своей жизнью и работой он показал, какие чудовищные преграды может преодолеть человек для достижения своей цели.

Жизнь Шевченко – это повесть о том, что такое искусство, как оно велико, какие препятствия оно может преодолеть и какой страх оно может внушить врагам.

Казалось бы, что все было брошено на то, чтобы Шевченко не был поэтом и художником. Сначала нищета, рабство, воля помещика мешали достичь цели. Затем, когда все это было преодолено, само государство преградило дорогу поэту.

Он был физически изломан тюрьмой и ссылкой, но свое искусство он пронес до конца своей жизни. Он до конца дней оставался все тем же, каким он был, – непримиримым и смелым.

И это так удивительно, что я затрудняюсь сказать, что выше можно оценить – его ли поэтический гений или его замечательное мужество.

2. Детские годы

Бедная украинская хата с почерневшей соломенной крышей – вот дом, в котором провел детские годы Тарас Шевченко.

Отец Тараса, Григорий Иванович Шевченко, был крепостной крестьянин. Он жил в крайней бедности. У него была многочисленная семья – шесть душ детей.

Его жена целые дни работала в поле на барщине. Он также работал в поле, но кроме того возил в город барский хлеб на продажу и доставлял из Крыма соль и рыбу. Помимо этого он должен был заботиться о своем поле и о своем хозяйстве.

Его бедность, нищета не были чем-то исключительным. Это была обычная жизнь крепостного крестьянина, который с утра до ночи не покладая рук работал и за это едва был сыт и едва одет.

Немыслимо было подумать о более сносной жизни, потому что крепостной крестьянин был жестоко закабален.

Три дня в неделю крестьянин работал на барина. Но, кроме личного труда, он отдавал барину «пятину», то есть пятую часть всего того, что он получал от своего личного хозяйства. И помимо того он платил денежную подать за ту землю, которую он обрабатывал для себя.

И в силу этого крестьянин не выходил из долгов. Он всегда был должен своему помещику. И в счет долга он работал на барина уже не три дня, а иной раз четыре и пять дней с утра и до ночи.

При таких условиях крестьянин, конечно, не мог выйти из нищеты. И, работая на барина, он нередко голодал.

Как сказал Шевченко:

А вот там под тыном
С голоду ребенок пухнет – он умрет,
А на барском поле мать пшеницу жнет...
И это не было художественным преувеличением. Рядом с нищетой и голодом уживалась роскошь барских хором. Там, в панских палатах, происходили балы, зацветали тонкие чувства, зажигались беседы об искусстве и красоте.

Это была смрадная картина вопиющей несправедливости, картина жесточайшего насилия.

Тарас Шевченко. Михаил Михайлович Зошенко zoschenko11.ru
Барин имел неограниченные права на своих крестьян. Он мог продавать своих рабов оптом и в розницу. Отцов отнимали от семьи и продавали на сторону, матерей продавали отдельно от детей и детей отдельно от родителей.[1]

Это было волчье время, лишенное какой бы то ни было гуманности. Это были наихудшие страницы истории, отчасти даже искажающие привычный человеческий облик. Вот в какие годы жил Тарас Шевченко. Он родился в 1814 году в Киевской губернии. До восьми лет он был, так сказать, на попечении у самой природы. Оборванный и грязный, он бегал с утра до ночи где ему вздумается. Никто, конечно, не смотрел за ним. Отец и мать были задавлены барщиной. Старшая сестренка Катя, помимо Тараса, имела на руках еще крошечных братьев и сестер.

На девятом году отец решил обучить Тараса грамоте. Сам отец Тараса был грамотный и умный человек. Он понял, что Тарас мальчик смывленный и какой-то особенный. И из всех своих детей он выделил на учебу только его.

Он послал Тараса в церковно-приходскую школу, где учительствовал в то время некий Губский, священник, лишенный прихода, человек грубый и часто нетрезвый.

За каждую провинность учитель нещадно бил учеников розгами и «тройчаткой» – плетью из подошвенного ремня.

Но Губского вскоре сместили и на его место прислали еще более удивительного учителя – дьячка Петра Богорского.

Этот дьячок был горький пьяница. Он учился в духовной семинарии, но, дойдя до класса риторики, как говорится, «убоялся бездны премудрости» и на двадцать девятом году жизни вышел в свет олухом и пьяницей.

Тем не менее он почему-то решил поделиться с людьми своими знаниями и стал учительствовать в школе.

Неудовлетворенность своей жизнью он скрашивал вином. И если первый учитель, Губский, выпивал, то этот вообще редко когда бывал трезвым.

«Березовую кашу» он считал основой науки и даже ее единственным двигателем. Он лупцевал учеников за каждую малейшую ошибку и провинность. Пучки розог красовались в классе как неотъемлемая принадлежность уроков.

Помимо того, каждую субботу дьячок Богорский порол уже всех учеников – правых и виноватых без разбору, говоря, что это для всех исключительно полезно и необходимо. Должно быть, учитель считал, что его самого мало порол в семинарии, и вот почему он пьяница и неудачник.

Этот учитель, по словам Шевченко, был жестокий, бессердечный и грубый человек. Но он порол учеников не только потому, что он был жестокий. Он порол потому, что так полагалось. В то время порка процветала во всех учебных заведениях.[2]

Но дьякон Богорский внес в это дело нечто новое. Во время порки он заставлял учеников читать Заповеди блаженства. Причем сам он порол редко, а заставлял учеников пороть своих же товарищей.

Тарас весьма скоро выучился грамоте и на второй год уже свободно читал псалтырь.

Когда Тарасу исполнилось девять лет, умерла его мать. Она умерла на тридцать втором году жизни, как сказано в казенных бумагах, «от натуральной болезни».

Положение Григория Ивановича Шевченко стало ужасным – с пятью малышами он остался один. Старшая его дочка перед этим была выдана замуж в другую деревню.

В доме необходимо было иметь хозяйку, и Григорий Иванович женился на вдове, у которой было трое маленьких ребят. Мачеха оказалась на редкость суровой и сварливой. В доме начался ад. Сведенные дети непрестанно дрались и даже устраивали между собой целые бои.

Ребятам мачехи изрядно доставалось, потому что их было меньше. И в дело нередко вступалась мать. Она драла за уши своих пасынков. И особенно от нее доставалось Тарасу, которого она ненавидела, потому что Тарас нещадно лупцевал ее любимого

Тарас Шевченко. Михаил Михайлович Зоценко zoschenko11.ru
худосочного сынишку Степку.

Отец постоянно ссорился со своей новой женой.

Крики, брань, слезы и огорчения – вот что было в доме после смерти матери.

Через два года, когда Тарасу исполнилось одиннадцать лет, неожиданно умер его отец.

Он простудился в пути, когда вез в Киев барские продукты, и, вернувшись домой, умер, проболев несколько дней.

Перед смертью отец разделил свой жалкий скарб между своими детьми, но Тарасу он ничего не выделил. Он сказал:

«Тарасу из моего хозяйства ничего не нужно. Он не будет человек какой-нибудь. Из него выйдет что-нибудь хорошее, или же это будет негодный человек. Для него мое хозяйство или ничего не составит, или это ему ничего не поможет».

Тарас остался круглым сиротой.

Он нанялся пастухом. И летом пас общественный скот кирилловских крестьян.

А к зиме мачеха велела Тарасу куда-нибудь наняться на работу, дая того чтобы у нее оставалось поменьше голодных ртов.

Дьячок Богорский согласился держать Тараса в качестве ученика и домашнего работника.

Теперь все работы по дому дьячка выполнял Тарас. Он носил воду, рубил и возил дрова, топил печи и делал все то, что полагалось делать в крестьянском хозяйстве.

Но дьячок считал, что Тарас его даром объедает, и поэтому заставлял его еще читать Псалтырь над покойниками.

Кирилловским крестьянам нравилось, как читает Тарас. Он читал выразительно и с чувством. И по этой причине Тараса требовали всякий раз, когда кто-нибудь умирал.

Крестьяне платили за это Тарасу деньги, но Богорский эти деньги брал себе, считая, что он и без того благодетельствует Тарасу.

Тарас по-прежнему бегал в рваной свитке, без сапог и без шапки. И по-прежнему дьячок бил и порол его и нередко морил голодом. Жизнь маленького Тараса у Богорского стала еще более несчастной, чем раньше.

Впоследствии, вспомнив о своем детстве, Шевченко с большой горечью так сказал в одном из своих стихотворений:

... Как увижу
В деревне маленького мальчика –
Ну как будто оторвался он от ветки,
Один-одинешенек, в тряпье,
Сидит себе под забором,
Так кажется мне, что это я,
Что это и есть моя молодость.

3. Поиски искусства

С раннего детства Шевченко имел страсть к рисованию. Всюду, где придется, он чертил углем всякие завитушки и каракульки. На обрывках бумаги он рисовал коров и лошадей. Ножницами он вырезал из бумаги цветы, силуэты людей и животных и наклеивал на окна своего дома. Все это доставляло ему удивительную радость.

Впоследствии, в одном из своих стихотворений, написанном в ссылке, Шевченко вспоминает, какое необычайное чувство он испытывал от своего рисования:

... Еще в школе
У учителя-дьячка

Тарас Шевченко. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Украду, бывало, пяточок,
Куплю бумаги, тетрадку сделаю,
Крестами и виньетками
Листочки обведу
И рисую «Сковороду» [3]
Или «трех царей с дарами»,
А потом в бурьяне,
Чтоб никто не увидел, не услышал,
Пою один и плачу...

Такое волнение, радость и слезы Шевченко не раз испытывал от своего искусства. Это было творческое волнение, радость художника. И вместе с тем страх, что за это могут его наказать, могут ему не позволить, потому что это было занятие для барчуков, а не для оборванного деревенского мальчишки.

Не менее радостное волнение Шевченко испытывал, когда слушал слепцов-кобзарей. Их песни и музыка не раз вызывали у Шевченко слезы. И он не раз ходил вслед за слепцами из деревни в деревню.

Это было удивительно смотреть, когда на село приходил слепец-кобзарь. Он усаживался у ворот какой-нибудь хаты и пел народные думы, песни и сказания, аккомпанируя на бандуре, или на «рыле» (лире), или на старинной семнадцатиструнной кобзе. [4] на свои пальцы слепец надевал железные наперстки с деревянными косточками, и от этого струны звучали оглушительно и вместе с тем жалобно.

Такие слепцы-бандуристы, кобзари и «рыльники» нередко проходили по украинским деревням.

Но их искусство для мальчика казалось слишком уж непонятным и сложным. Рисовать было более доступно его воображению.

Но он не знал и не понимал, как этому искусству надо учиться и что для этого надо сделать.

Иной раз в гости к дьячку Богорскому приходили попить и повеселиться дьячки из соседних сел. Среди них были дьячки-маляры, иконописцы и рисовальщики.

И Шевченко, которому шел тогда тринадцатый год, решил уйти от Богорского и поступить на работу к какому-нибудь из этих дьячков, с тем чтобы тот научил его малярному мастерству.

И вот весной 1826 года Тарас собрал свое барахлишко, захватил у дьякона книжку с картинками и сбежал от него.

В своих автобиографических заметках Шевченко писал, что перед тем как уйти от своего дьячка, он жестоко отомстил ему. Он нашел своего дьячка в саду бесчувственно пьяным, связал его ноги и руки и, задрав рясу, «всыпал ему великую дозу березовой каши».

Расправившись со своим наставником и благодетелем, Тарас ушел и несколько дней скрывался в чужом саду. Сестры приносили ему еду и сообщали о всех новостях. Тарас ожидал, что дьячок поднимет тревогу и постарается его найти, чтобы преждевременно наказать. Но этого не случилось. Вероятно, Богорскому совестно было признаться, что его высекли, и поэтому он не поднял никакого дела.

И тогда Тарас бежал в село Лысянку, где, как он знал, проживал дьякон – малярный мастер.

Тарас явился к нему и попросил взять его в ученики.

Дьякон-маляр охотно согласился. Как раз в то время у него не было домашнего работника. И это предложение его устраивало.

Однако надежды Тараса не оправдались. Дьякон был простой маляр. Он красил крыши, полы и изгороди. Но и в это свое мастерство он не посвятил Тараса. Напротив, он тотчас приспособил мальчика к домашним работам. И ни о какой учебе помину не было.

Тарас Шевченко. Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru
Новый хозяин заставлял Тараса таскать воду, ходить за коровой и исполнять всякие мелкие поручения по хозяйству. И эта работа показалась Тарасу еще более трудной, чем у кирилловского дьячка, так как новый хозяин жил на высокой горе и носить воду из реки Тикач было нелегко.

Кроме домашних работ, Тарас растирал краску-медянку на железном листе. Последнее дело было уже более близко к искусству, но все же это не доставило мальчику никакой радости.

К тому же новый дьякон из Лысянки оказался такой же рукосуй, как и Богорский. Он – чуть что – рвал за уши и обещал в дальнейшем нещадно пороть за каждое упущение. Тарас пробыл у него несколько дней и, так сказать, не попрощавшись ушел от своего неприветливого хозяина.

Тарас сначала ушел в город Стеблов, где он надеялся найти более выдающегося мастера.

Там он не сумел устроиться, но там ему сказали, что в селе Тарасовке проживает дьякон-живописец, в некотором роде знаменитый художник, работы которого – «Аникавоин» и «Великомученик Николай» – красуются в сельском храме.

Не без трепета явился к нему Тарас.

Дьякон-живописец в принципе согласился принять Тараса в ученики. Однако он сказал ему:

«Каждый начнет учиться живописи – это что и будет. Живописи может учиться только тот, у кого имеется божественная одаренность. А если у тебя этого нету, то я тебя в ученики не возьму, хотя бы ты мне обещал золотые горы».

И дьякон велел Тарасу показать левую руку. Внимательно осмотрев его левую ладонь, дьякон сказал:

«Согласно науке хиромантии дарование к живописи отмечается на левой руке жирной чертой, идущей от безымянного пальца вдоль всей ладони. У тебя же этой черты вовсе нету, и по твоей руке я могу судить, что у тебя полностью отсутствует дарование к живописи, к сапожному делу и даже к бондарству. И даже я удивляюсь, что ты осмелился ко мне прийти. Я не намерен с тобой больше беседовать. Иди себе с богом и больше сюда не приходи».

Слова дьякона-хиромантика ошеломили Тараса. Огорченный, он ушел от предсказателя. [5]

Он вернулся в родное село, в родной дом к своей мачехе. Он сказал мачехе, что решил сделаться пастухом, что вот работа, которая ему нравится.

И Тарас нанялся в пастухи и до осени пас коров и овец. Но он не был способным пастухом. Он часто задумывался, мечтал и невнимательно относился к стаду, которое разбрелось по сторонам. Коровы и овцы нередко пропадали. И крестьяне были недовольны своим пастушком.

Брат Тараса, Никита, советовал ему заняться земледелием. Но эта работа меньше всего прельщала Тараса. И тогда он снова бросил отцовский дом. Он поступил в батраки к священнику Григорию Кошицу. Это был толстый и до некоторой степени добродушный поп. Он не бил Тараса и даже позволял ему читать книги. Но Тарас все же недолго оставался у него. Горячее желание быть маляром или живописцем не остыло в нем. Предсказание дьякона-хиромантика казалось теперь не таким страшным. Снова Тарас решил испробовать свое счастье.

Он ушел в село Хлебновку, где, как он разузнал, имелись выдающиеся мастера-живописцы.

Один из хлебновских маляров взял Тараса в ученики. Но он взял его на пробу. Он хотел проверить его способности, но не таким дурацким способом, как это сделал дьякон-хиромантик.

Хлебновский маляр оказался дельным и понимающим человеком. Он давал Тарасу задания, заставлял его чертить и рисовать с натуры. И, проверив его способности,

Тарас Шевченко. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
сказал:

«Я дал тебе срисовать купол церкви, и ты это сделал так, как сделал бы я. Из чего я могу заключить, что ты будешь славный маляр и у тебя есть исключительное дарование. Оставайся у меня, если хочешь».

Вероятно, это была первая, наиболее сильная радость в жизни Тараса. Слезы хлынули у него из глаз, и он поцеловал руку маляру.

Маляр сказал:

«Но если ты сын крепостного отца, то принеси мне записку от твоего барина. И пусть в этой записке будет сказано, что он позволяет тебе заниматься малярным делом. В противном случае я не могу принять тебя в ученики, поскольку закон не позволяет мне держать у себя крепаков».

Тарас сказал, что он сделает это и принесет от помещика записку.

Взволнованный и обрадованный, Тарас вернулся в Кирилловку.

4. Неудача
Отец Тараса был крепостной помещика Энгельгардта.

Сам старик Энгельгардт, Василий Васильевич, был богатейший человек – у него имелись обширные земли на Украине.

Это был сановитый барин, племянник прославленного князя Потемкина.

Он был уже весьма стар. И жил на покое, вспоминая прошлые дни своей блистательной жизни.

Это и был теперешний хозяин и властелин Тараса.

Вернувшись из села Хлебновки в свою родную Кирилловку, Тарас стал расспрашивать своих односельчан, как он должен поступить для того, чтобы ему дали разрешение на учебу у маляра-живописца.

Что-то новое входило в жизнь четырнадцатилетнего мальчика. Он видел много – видел горе, слезы, лишения и побои. Но ему не приходилось еще выступать в жизни в качестве взрослого человека, который должен был обращаться к помещику с личной своей просьбой.

Впрочем, речь о помещике и не шла. По словам кирилловских крестьян, мальчику следовало обратиться всего лишь к управляющему имением, так как старый барин в такие дела не входит, и это слишком мелкое дело для того, чтобы тревожить покой самого Василия Васильевича.

Однако для Тараса и это дело казалось не таким уж простым и повседневным.

Не без робости отправился он в имение Олыианы, где находилась контора.

Робость и застенчивость исчезли, когда Тарас заговорил о своем желании учиться малярному делу.

Теперь перед управляющим стоял смысленный и толковый подросток, который весьма деловито и обстоятельно излагал то, что ему нужно.

Эта деловитость и бойкость неожиданно понравились управляющему. Но в этом и таилась беда для Тараса.

Управляющий, еще раз внимательно оглядев Тараса, сказал, что вот как раз такой подросток, как Тарас, ему и нужен. Малярное искусство – это блажь и прихоть, а есть дела поважнее этого. Вот только что из Вильно пришел приказ от молодого барина, Павла Васильевича Энгельгардта, набрать способных и толковых подростков, подучить их и прислать к нему для комнатных услуг, для кухни и для конюшни.

И теперь, глядя на Тараса, управляющий решил в своем уме – в числе прочих набранных подростков послать и Тараса.

Никакие просьбы Тараса делу не помогли.

Управляющий с неудовольствием смотрел на мальчишку, который, кажется, осмеливается высказывать свое мнение и даже, кажется, весьма резко, если не сказать грубо. Еще недоставало, чтоб крепостной паренек выражал свои претензии и изменял намерения управляющего. В таком случае надо будет его хорошенько обтесать, прежде чем послать молодому барину.

Управляющий сказал, что он пока что зачисляет Тараса на барскую кухню. Пусть там мальчишка подучится, как надо жить в господском доме. И пусть главный повар решит, есть ли у подростка способности к кухонному делу.

Тарас стоял перед управляющим, с трудом понимая, что происходит.

Он пришел за бумагой, за разрешением поступить в ученики к маляру, и вот теперь вместо этого его берут в число господской дворни и посылают на кухню.

Это был ужасный удар, даже катастрофа.

Первая мысль Тараса была бежать. Но он знал, что за это бывает. Он знал, что бежавших порют и посылают в тюрьму и в солдаты.

Кажется, впервые Тарас почувствовал свою неволю, свое рабство, свою беспомощность.

Управляющий не нашел нужным слишком долго беседовать с подростком. Он позвал главного повара и велел ему принять Тараса в качестве ученика, с тем чтобы хорошенько обтесать мальчишку и сделать из него человека, полезного для господского дома.

Тараса придели, подстригли его волосы и приказали ему ходить бесшумной и приличной походкой без подсакивания и без размахивания руками. Громкие возгласы, крик, стук посудой или смех – все это было недозволено и считалось неприличным в господском доме.

Главный повар Павел, толстый и староватый человек, энергично приступил к воспитанию подростка.

Целые дни теперь Тарас проводил на кухне. Он мыл посуду, выносил помои, выгребал золу, чистил картошку и выполнял всякие мелкие поручения повара.

Все это было до крайности скучным и однообразным. Все валилось из рук Тараса. Его охватывала невыносимая тоска, когда он думал, что это будет и впредь так продолжаться.

Повар был сердитый и раздражительный. Шекспир говорил, что не надо бояться толстых людей. Но этот повар составлял, видимо, исключение. Он драл Тараса за уши и награждал его затрещинами. Его раздражал нерадивый ученик, который то и дело давал стрекача, убегая то в сад, то в поле.

Была весна. Зеленели поля. Позвякивая колокольчиками, шли коровы. Пастушок хлопал длинным бичом.

Как много дал бы теперь Тарас, чтобы снова быть таким пастухом, чтобы снова шлаться по полям, чтоб не слышать рассудительных речей на кухне и сердитых окриков повара.

Правда, жизнь Тараса немного скрашивалась тем, что он сумел тут набрать всякого рода картинок и карточек. У него собралась теперь целая коллекция лубочных рисунков. И это доставляло ему радость и удовольствие.

Воспользовавшись свободной минутой, он убежал в глухой уголок господского сада и там, на сучках деревьев, устраивал выставку, вывешивая свои рисунки и карточки.

Повар пожаловался на Тараса. Он сказал управляющему, что присланный на кухню мальчишка есть в высшей степени лодырь и бездельник, что вряд ли вообще имеется какое-либо дело, к которому подросток будет способным, и что на кухне он не

Тарас Шевченко. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
только не нужен, но даже он там является помехой и главной причиной ухудшения здоровья повара.

Неизвестно, как сложилось бы дело, если б молодой барин не запросил в срочном порядке прислать нужных ему подростков.

Молодой барин проживал в Вильно. Для дворянской его жизни ему требовалась вышколенная дворня – расторопные лакеи, казачки для комнатных услуг, красивые горничные и лихие кучера. Вышколить такую дворню можно лишь в городе. И вот почему подростков надлежало отправить в Вильно.

Управляющий Дмитренко спешным порядком собрал молодую гвардию и со списком отправил ее в Вильно.

В этом списке числился и Тарас, против фамилии которого стояло примечание: «Способен к малярству».

Подействовали слова повара на Дмитренко, или сам Тарас просил управляющего и этим смягчил его сердце – остается неизвестным. Известно только то, что Тарас отправлен был в Вильно не в качестве поваренка, а в качестве будущего маляра или живописца.

5. Снова неудачи

Молодой барин Павел Васильевич был (незаконный) сын престарелого помещика Энгельгардта.

Он состоял адъютантом у фельдмаршала Римского-Корсакова, который был в то время виленским губернатором.

В свои тридцать лет он был уже полковником лейб-гвардии Уланского полка.

Его блистательная карьера была создана меньше всего его способностями. Он преуспевал в жизни благодаря своему родству, фамилии и богатству. Весьма энергичный и властный человек, карьерист и коммерсант, он уверенно шагал по дороге жизни.

Это и был новый неограниченный властитель, к которому направлялся подросток Тарас Шевченко, «способный к малярству».

Многочисленная дворня молодого полковника ютилась во дворе, в хибарках, позади роскошного дворянского особняка.

Всей дворней командовал управляющий делами – домоправитель полковника, – человек весьма энергичный, распорядительный, рабски преданный своему господину.

Приняв список и осмотрев прибывших, он тотчас распределил обязанности каждого. Тараса он назначил комнатным казачком. На отметку в списке управляющий просто не обратил внимания. Ни о каком, конечно, возражении не могло быть и речи.

Несколько дней Тараса приводили в «христианский вид». Его одели в синюю поддевку с красным поясом. И обучили несложным его обязанностям. Тарас должен был сидеть в передней на диване. По первому зову барина ему следовало бесшумно войти в комнату и ждать приказаний.

Приказания были немногочисленные – главным образом подать халат, туфли или трубку. Остальные обязанности также были несложны – доложить о пришедших, принять сброшенную с плеч барина офицерскую шинель и так далее.

Впрочем, главнейшая обязанность была самая нелегкая, это – безмолвно сидеть на диване.

На вопросы Тарасу надлежало отвечать отрывисто и кратко: так точно-с, никак нет-с и не могу знать. Все остальные слова запрещались или не рекомендовались.

Итак, у Тараса началась новая жизнь – комнатного казачка.

Для подвижного характера Тараса такая должность была мучительной. Но барин, к счастью, редко сидел дома. Балы, вечера и банкеты бывали чуть не ежедневно. И

Тарас Шевченко. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
Тарас, оставаясь один, мог заниматься чем ему вздумается.

Новый казачок не то чтобы понравился молодому полковнику, скорее – он даже и не замечал его, для него это был, в сущности, не человек, не живая душа, а попросту предмет комнатного обихода, к которому можно привыкнуть или, наоборот, выкинуть его, если он непригоден.

Так вот, к этой вещи, к этому предмету комнатных услуг полковник привык. И был к нему до некоторой степени милостив: он позволял крепостному казачку прикасаться губами к своей выхоленной руке благодетеля, как это требовалось по неписаным законам крепостного права.

Натура полковника была весьма деятельной. Он нередко уезжал в Варшаву или в Петербург или на дворянские выборы в Киев. В свои путешествия он стал брать Тараса. И это вносило разнообразие в жизнь казачка.

Но Тарасу наиболее всего нравилось, когда он оставался один, когда барин уезжал на балы или в гости. Тогда Тарас со спокойной душой шлялся по барским комнатам, свистел, пел украинские песни и занимался рисованием, к чему он не остыл, а, напротив того, с каждым днем чувствовал все большую склонность.

«Коллекция картин» Тараса возросла. Теперь в его коллекции появились всякого рода лубочные рисунки, которые Тарас не стесняясь брал на постоянных дворах и где придется.

В отсутствие барина Тарас располагался за его столом и срисовывал в свой альбом картины и рисунки, висящие на стенах комнаты.

Однажды барин, вернувшись в полночь из гостей, застал Тараса на месте преступления. Тарас, увлекшись рисованием, не услышал, как подкатила коляска к дому, как барин хлопнул дверью, как он поднялся по лестнице во второй этаж и как он вошел в комнату.

Тарас, расположившись в кресле, растушевывал свою копию с картины «Атаман Платов».

Скрип половицы вернул художника к действительности. Тарас вскочил с кресла. Перед ним, в двух шагах, стоял полковник, разгневанный и взбешенный.

Огарок сальной свечи освещал эту сцену.

От гнева и раздражения полковник сначала остолбенел. Мало того, что этот скот не встретил его в передней, он еще посмел сидеть за его столом, он посмел жечь свечку, от которой мог сгореть его дом.

Полковник несколько раз ударил Тараса по лицу и, схватив за ухо, выкинул казачка в переднюю.

Утром полковник не остыл от своего гнева. Он отдал управляющему распоряжение – выдрать Тараса на конюшне, чтоб этому пареньку хорошенько запомнилось, кто он такой и каковы его прямые обязанности.

Тотчас Тараса отвели на конюшню. Три кучера совершали экзекуцию. Один сидел на ногах Тараса, другой – на плечах, третий кучер стегал розгами.

Тарас выдержал наказание без слез и без стонов, хотя кровь текла по его обнаженному телу.

Это считалось – поучить человека, чтоб он не увлекался несбыточными фантазиями.

Тарас ожидал перемены судьбы. Он ожидал, что барин отошлет его в деревню или переведет на другую должность. Но этого не случилось. Через несколько дней Тарас снова занял место в передней. И барин как ни в чем не бывало звал Тараса для услуг.

б. Искусство и коммерция

Однако управляющему полковник сказал, показав на рисунки Тараса, что мальчишку, пожалуй, надо было бы отдать в науку к живописцу, что, судя по рисункам, он

Тарас Шевченко. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
выказывает большие способности и что не следовало бы забывать, что цена крепостного совершенно иная, если он в чем-либо достиг какого-нибудь совершенства. Сейчас Тарас стоит от силы, ну, рублей триста, а если его обучить, то он будет стоить не менее тысячи, а то и больше. Надо уметь поднимать цену на каждую крепостную душу тем хозяйственным способом, который в их распоряжении. В наш коммерческий век это совершенно необходимо. Это своего рода биржа. Этим надо пользоваться. И этим можно умножить состояние.

Управляющий почтительно кланялся, слушая эти слова барина.

Полковник сказал, что он, пожалуй, сам поговорит с одним художником, и если тот найдет у Тараса способности, то судьба Тараса решена – он будет учиться живописи.

Коммерческий зуд заставил полковника поспешить с этим делом. Он побывал у профессора живописи, который преподавал в Виленском университете. И показал ему рисунки крепостного казачка.

Профессор живописи одобрительно отнесся к рисункам Тараса и посоветовал отдать мальчика в учение.

Полковник велел своему управляющему подыскать для Тараса учителя.

Однако фантазия управляющего дальше малярного дела не пошла, и он, договорившись с одним маляром, отдал Тараса в учебу.

Но спустя месяц маляр явился к самому полковнику и доложил, что с таким отличным учеником он, простой маляр, не считает возможным заниматься, что этот ученик может быть его учителем, а не наоборот. И пусть он, маляр, теряет на этом деньги за уроки, но он считает своей обязанностью доложить барину о великих способностях Тараса.

Слова честного маляра нашли живейший отклик в коммерческой душе полковника. В самом деле – надо будет отдать Тараса к какому-нибудь хорошему живописцу. И если Тарас будет художником, то плата за учебу будет с лихвой оправдана.

Полковник вызвал к себе одного знакомого портретиста. И тот согласился давать уроки.

Но, едва начатые, уроки вскоре были прекращены. Польское восстание (1830 год) заставило полковника обратиться из Вильно.

Отъезд полковника был так стремителен, что он не захватил с собой дворни. Даже Тарас, с которым он не расставался в путешествиях, был оставлен в Вильно.

Полковник прибыл в Петербург и уже оттуда отдал распоряжение выслать ему его челядь этапным порядком.

В начале 1831 года Тарас вместе со всей дворней был доставлен в Петербург.

Барин, понюхавший пороху в Польше, был не совсем в себе. Надо было снова налаживать связи. Надо было искать достойную должность для его высокой особы. Такую должность он нашел – он стал адъютантом у принца Виртенбергского.

Тарас же снова остался у него казачком.

Но теперь, всякий раз, когда барин, довольный своими делами, милостиво заговаривал с казачком, Тарас неизменно сводил речь на учебу. Больше ждать было нельзя. Ему восемнадцать лет. И дальше откладывать – будет поздно.

Барин снова согласился отдать Тараса к живописцу. Но снова управляющий отдал Тараса не к художнику, а к простому маляру.

Правда, этот маляр считался опытным мастером, однако для Тараса, который брал уроки у портретиста, это была не наука. Но маляр брал за учебу немного, художник же заломил бы цену значительную, – видимо, это обстоятельство сыграло решающую роль. Тем более, что Тарас и без того прилично писал портреты, так зачем же еще переплачивать деньги за какое-то совершенствование, которого может и не быть.

Тарас Шевченко. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

В общем, Тараса отдали в учебу к «разных живописных дел цеховому мастеру Ширяеву».

Причем с этим цеховым мастером был заключен договор на четыре года учебы.

Маляр Ширяев был человек крайне скупой, свирепый, грубый и неотесанный. Он в «страхе божьем» держал своих учеников, которых у него было до десяти человек. Он посылал их на работы в качестве обыкновенных маляров. Его ученики занимались главным образом тем, что красили крыши, заборы и полы.

В общем, Ширяев ни в какой степени не был желанным или даже каким-нибудь учителем для Тараса. Это был попросту кулак, предприниматель, эксплуатирующий «подручных молодцов».

Он заставлял их работать по двенадцать и по шестнадцать часов в сутки. Держал их впроголодь и, при случае, дрался, давая пинки, зуботычины и оплеухи.

Снова Тарас стал ходить грязный и оборванный. Он бегал на работу босой, в халате, без шапки. Снова жизнь была полна лишений, огорчений и невзгод.

Но Шевченко не упал духом. И он не оставил своей мысли стать художником. Пользуясь свободной минутой, он рисовал. Но для этого занятия ему надо было теперь выкраивать время. Занятый с утра до вечера, он мог рисовать только лишь на рассвете или поздно вечером.

В светлые петербургские ночи он, возвращаясь с работы, не раз заходил в Летний сад и там делал рисунки и наброски в своей тетради.

Никто не мешал ему здесь. Летний сад открыт был круглые сутки. Ночной публики было мало. Гуляки шли в трактиры и рестораны. Любовные парочки сами избегали встреч. И Тарас, оставаясь в одиночестве, делал зарисовки мраморных богинь и купидонов.

Тарас достиг в своем искусстве больших успехов. Его рисунки уже не были дилетантскими и ученическими. Это уже были смелые произведения, самостоятельные и оригинальные.

Эти часы, проведенные в Летнем саду, были для Тараса всегда вдохновенными. Тарас стал даже писать там стихи. Но он еще не знал, как это делается. И он без всякого уменья записывал на бумагу свои чувства и свои мысли и ту музыку, какая у него была на душе.

7. Последнее препятствие

Более трех лет Шевченко провел в «учениках» у маляра Ширяева.

Это были тягостные годы. О каком-нибудь серьезном учении не могло быть и речи. Шевченко попросту попал к предприимчивому мастеру, который за кусок хлеба заставлял учеников работать на себя.

Но Шевченко не падал духом. С удивительным упорством и настойчивостью он продолжал заниматься своим рисованием.

Однажды, поздно вечером, возвращаясь с работы, двадцатидвухлетний Шевченко зашел, по обыкновению, в Летний сад.

Шевченко был босой, без шапки, в коричневом халате. В руках у него были малярная кисть и ведро от краски.

Шевченко прошел по аллеям сада, разглядывая мраморные статуи.

Перед одной из статуй Шевченко задержался. Он сел на свое перевернутое ведро и стал срисовывать в свою тетрадь контуры мраморной богини.

Был поздний майский вечер. Белая петербургская ночь не мешала работать.

Один из прохожих остановился позади Шевченко и с любопытством стал смотреть на его работу.

Тарас Шевченко. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Рисунок выходил отлично. Это было удивительно смотреть на оборванного паренька, который так искусно и так уверенно рисовал.

Прохожий разговорился с Шевченко. Он оказался земляком Тараса. Это был молодой художник Сошенко. Он недавно приехал в Петербург для занятий в Академии художеств.

Сошенко с любопытством стал расспрашивать Тараса об его жизни. Он похвалил его рисунки. И сказал, что ему надо учиться и что, сколько он понимает, из него выйдет большой толк.

Сошенко дал Тарасу свой адрес и просил его зайти в воскресенье.

Шевченко был взволнован встречей. Он бормотал слова благодарности. Он так мало видел внимания к себе. Он не привык к участию или даже к какому-нибудь человеческому отношению.

И теперь он с чувством признательности смотрел на незнакомого художника, который обещал сделать для него все, что будет возможно.

В воскресенье Шевченко пришел к художнику на Четвертую линию Васильевского острова.

Тарас принес с собой связку своих рисунков.

Художник Сошенко стал внимательно рассматривать рисунки, хваля их и удивляясь необыкновенному мастерству маляра.

Сошенко не мог оказать Тарасу немедленную помощь. Он и сам ничего не имел. Он без копейки денег приехал в Петербург и только что устроился. Но ему чрезвычайно хотелось сделать для Тараса что-нибудь полезное.

Он решил показать рисунки в Академии и познакомить Тараса с теми людьми, которые могли бы оказать влияние на судьбу бедного маляра.

Через некоторое время Сошенко познакомил Тараса с известным писателем Гребенкой.

Гребенка с большим вниманием и добротой отнесся к своему земляку. Он помог ему приодеться и познакомил его с видными людьми. В частности, он познакомил его с секретарем Академии В. И. Григоровичем.

Этот секретарь был весьма влиятельный господин, преподававший в Академии «теорию изящного». Он был в приятельских отношениях с художником К. Брюлловым, слава которого в то время была велика и даже ослепительна. Об его картинах писались статьи. Общественное мнение и критика превозносили его до небес. Его последняя картина «Гибель Помпеи» прошумела на выставках Европы.

Брюллов с участием отнесся к Шевченко. Он похвалил его рисунки и познакомил его с придворным живописцем Венециановым.

И Венецианов, в свою очередь, рассказал поэту Жуковскому о несчастной судьбе талантливого маляра.

И вот бедным, доселе неведомым маляром заинтересовались столь влиятельные люди, что, казалось, перемена судьбы для Шевченко уже близка.

Брюллов хотел было зачислить Шевченко в ученики Академии, но, узнав, что он крепостной, пришел в уныние. По закону крепостной не мог состоять в учениках Академии даже при согласии помещика.

Надо было выкупить Тараса, либо уговорить помещика дать ему вольную. Но для этого необходимо было время и деньги. Дело явно затягивалось.

Художник Сошенко сходил к Ширяеву и упросил последнего дать Тарасу временный отпуск для того, чтобы тот мог посещать занятия в зале Общества поощрения художеств.

Тарас Шевченко. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
Ширяев неожиданно согласился, хотя сказал, что это блажь и напрасная затея.

Шевченко стал ходить на временные занятия по живописи.

Между тем Жуковский, близкий ко двору, в разговоре с государыней обрисовал ужасное положение талантливого юноши, который закрепощен и в силу этого не может стать художником.

Но что могла сделать супруга императора? Помещик полновластный хозяин своих крепостных. Было бы неприлично вмешиваться государыне в то, что освящено царем и законом.

Оставались два пути: купить Тараса у помещика или склонить помещика к филантропическому шагу – дать Тарасу освобождение.

Жуковский просил Брюллова заняться этим делом.

И вот Брюллов отправился к полковнику Энгельгардту для переговоров.

Неизвестно, каков был разговор помещика с Брюлловым. Известно только то, что Брюллов вернулся от Энгельгардта взбешенный до последней степени.

«Это самая большая свинья из всех свиней, каких только мне приходилось видеть», – сказал Брюллов в ответ на расспросы о результатах переговоров.

Шевченко, узнав о неудаче, пришел в такое отчаяние, что хотел покончить с собой.

Брюллов утешал его. Жуковский, узнав об отчаянии молодого человека, написал ему успокоительную записку.

Решено было снова обратиться к Энгельгардту с просьбой назначить цену на крепостную душу Тараса.

Сошенко вызвался было пойти к помещику для переговоров. Но появление бедного художника у блестящего офицера могло бы сорвать дело. И по этой причине для переговоров попросили пойти придворного живописца Венецианова. Быть может, он, близкий ко двору человек, имеющий генеральский чин, сумеет задеть чувствительные струны сердца помещика, и тот пойдет на филантропию или же назначит «божескую» цену за крепостную душу.

Полковник Энгельгардт был раздражен назойливостью художников.

Он целый час выдержал придворного живописца в своей передней. И когда принял его – разразился упреками. Он сказал:

«Что вы, собственно говоря, хотите от меня вместе с вашим Брюлловым? О какой филантропии вы изволите говорить? В этого крепостного я вложил изрядные деньги, для того чтобы он был тем, каким вы его видите. Я решительно прошу вас не говорить мне о какой-либо благотворительности или филантропии. В наш коммерческий век это, сударь, просто смешно слышать. Моя крайняя и решительная цена за крепостного Тараса – две с половиной тысячи рублей ассигнациями. Если вам будет угодно теперь об этом предмете говорить – давайте будем говорить».

Сконфуженный и растерянный придворный живописец вернулся от помещика.

Жуковскому пришла мысль собрать деньги для того, чтобы выкупить Шевченко. Это он берется сделать в кругу придворных людей.

Но Брюллов сказал, что будет, пожалуй, лучше, если он напишет, скажем, портрет Жуковского, и этот портрет они за две с половиной тысячи разыграют в лотерею.

Так и было сделано.

Брюллов написал портрет Жуковского. И вскоре деньги были собраны.

Придворный живописец Венецианов снова отправился к Энгельгардту.

Помещик, несколько поломавшись и поговорив о том, что Шевченко стоит значительно

Тарас Шевченко. Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru
дороже, чем он за него спросил, дал отпускную.

Это был знаменательный день для Шевченко – 22 апреля 1838 года.

8. Новая жизнь

Тарас Григорьевич Шевченко не сразу узнал об этом своем счастье. Он был болен. Он лежал в больнице с брюшным тифом. Он поправлялся, но медленно. Художник Сошенко зашел его проведать, но не сообщил ему об этом радостном событии, потому что врач не посоветовал волновать больного. Хозяин же Тараса, «разных малярных дел» мастер Ширяев, узнав от Энгельгардта об освобождении своего ученика, пришел к нему в больницу и рассказал все, что он знал. Радость Шевченко была необычайна.

Он вышел из больницы иным человеком. Рабство кончилось. Кончилась та унижительная жизнь, которая так удручала художника. Он был теперь свободен. Радость его была так велика, что он всех целовал и при этом плакал, говоря, что только теперь он понял, что такое крепостное право, что такое быть крепостным.

Шевченко то и дело вынимал из кармана свою отпускную и целовал ее, заливаясь слезами.

Тарас Григорьевич поселился на квартире у художника Сошенко. Теперь его приняли в ученики Академии. И он стал посещать классы, стал систематически обучаться живописи.

Он лихорадочно принялся за свое самообразование. К. Брюллов разрешил ему пользоваться его библиотекой. И молодой Шевченко многие вечера провел за книгами.

Он в короткое время прочитал всех классиков. Он стал разбираться в политике. С ужасом и с содроганием он понял, что такое социальное неравенство, которое было в России в такой неумеренной степени. Он понял, что нужна борьба, нужен переворот, который уничтожил бы царский строй в России. Еще мальчишкой в Вильно и в Варшаве он прислушивался к разговорам об этом. Теперь ему все стало ясным окончательно.

Шевченко стал читать поэтов. И сам начал писать стихи, стараясь изложить в них волновавшие его мысли и чувства.

Художники по-товарищески относились к нему. Он сблизился с ними. И нередко проводил вечера в разговорах о жизни и об искусстве.

Шевченко был умен и гениален, – он в короткое время сумел впитать в себя ту культуру, к которой он теперь прикоснулся. Его товарищи с удивлением смотрели на него. Казалось, что произошла волшебная перемена. Вчерашний крепостной маляр ничем не отличался от своих товарищей, – он многое знал, верно судил об искусстве, и любая беседа была для него незатруднительна.

Больше того, его стали ценить и уважать и с ним считаться как с человеком, который имеет твердые убеждения и хороший вкус.

Брюллов любил Тараса Григорьевича. Он не раз вместе с ним ходил в Эрмитаж, где показывал ему картины великих мастеров. Он рассказывал о жизни и творчестве этих выдающихся художников.

Брюллов любил Шевченко за его светлый ум, за его удивительную скромность, за его любовь к искусству.

Брюллов – умный и тонкий человек, замечательный художник – сумел увидеть в Шевченко выдающегося человека.

Шевченко стал его любимейшим учеником. И Брюллов пророчил ему великое будущее.

И действительно, Шевченко достиг огромных успехов. Весной 1839 года Шевченко был награжден серебряной медалью за свой этюд «Бойцы». Это было событие в жизни Шевченко не менее важное, чем даже освобождение от неволи. Получить отпускную ему помогли люди, медаль же была наградой за тяжкий и упорный труд, за непреклонную волю, за десятки преодоленных препятствий. Это была награда за то

Тарас Шевченко. Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru
искусство, к которому Шевченко стремился с детских лет.

Переход от мрачного чердака маляра Ширяева к тому, что имел сейчас Шевченко, был необычен. Правда, Шевченко жил еще в бедности. Но у него уже были заработки – он рисовал портреты.

Через Брюллова Шевченко познакомился со многими светскими людьми. Его всюду стали приглашать. Им интересовались как новым явлением, как человеком, вышедшим из слоев неведомого народа и достигшим своим трудом теперешнего положения.

Шевченко стал по-модному одеваться. Он стал франтить. После нищеты и бедности, после зипуна и кафтана он теперь наряжался во фрак. Он стал изучать французский язык, для того чтобы в обществе быть равным всем этим воспитанным молодым дворянам.

Мы привыкли представлять себе Шевченко в том виде, в каком он изображен на своих портретах, – стареющим человеком в бараньей шапке, с чудовищными усами, с тяжким взглядом суровых глаз.

Но эти портреты относились к последнему периоду жизни Тараса Григорьевича. Таким он был после ссылки, после Азии. В те же годы, о которых идет речь, двадцатипятилетний Шевченко был совершенно иным человеком. Он был молод и даже юн. У него было лицо артиста. Нежная и милая улыбка. И удивительно добрые глаза. Художники говорили о Шевченко, что «у него в лице было нечто такое, за что нельзя было его не полюбить».

Художник Сошенко с досадой и раздражением отнесся к светскому успеху своего друга. Он укорял Тараса за его пристрастие к пустому и праздному свету, за его перемену в образе жизни.

Но Сошенко не видел всей сложности натуры своего друга. Никакой органической перемены, в сущности, не было. Это была, так сказать, компенсация за тяжкие годы неволи, за всю нищету и лишения. И, кроме того, молодому Шевченко надо было до конца узнать другую жизнь, увидеть другой мир, чтобы понять, что такое жизнь и что такое люди.

В те годы его светских успехов Шевченко ни в какой степени не изменил самому себе. Он не забыл, что, кроме этого избранного общества, существует иное, бесправное, лишенное человеческого достоинства, из которого он вышел сам.

Тревога жила в душе Шевченко, и ничто не могло заглушить ее. В 1839 году, то есть в год его светских успехов, Шевченко в своем стихотворении «Думы» писал:

Ой вы, думы, мои думы,
Горе, думы, с вами.
Что вы встали на бумаге
Хмурыми рядами?
Что вас ветер не развеял,
Словно пыль степную,
Что вас горе не заспало,
Словно дочь родную...
Думы, мои дети,
Где же я найду, родные,
Вам приют на свете?
На Украину идите,
Нашу Украину,
На задворки к бедным людям,
Я же здесь загину.

Эти думы о бедных людях, о несправедливости, о закабаленных крестьянах никогда не покидали Шевченко, где бы он ни находился.

Посещения аристократических домов ничего не изменили в Шевченко. Он по-прежнему много читал, изучал поэзию и прилежно учился в Академии.

Осенью 1840 года Шевченко был снова премирован серебряной медалью второго достоинства за опыт в живописи «Мальчик с собакой».

Но живопись полностью не удовлетворяла Шевченко. Все больше и сильнее его

Тарас Шевченко. Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1911.ru занимали стихи. В стихах было больше простора для его мыслей и чувств.

У Шевченко уже накопилось много стихов, но он почти никому не показывал их. Писатель Гребенка однажды забрал у него эти рукописи и прочитал их.

Гребенка был поражен – стихи оказались превосходными. Гребенка восторженно похвалил их и сказал, что неизвестно еще, в чем сильнее Шевченко – в поэзии или в живописи. Возможно, что в поэзии он сильнее.

Тарас Григорьевич скептически отнесся к отзыву, говоря, что эти стихи – проба пера, баловство и то непрофессиональное искусство, на которое не следовало бы обращать внимание.

Но Гребенка настаивал на своем. Он показал стихи целому ряду людей, и все приходило к мысли, что это истинная поэзия, замечательная по силе и оригинальности.

Один состоятельный человек вызвался издать книгу стихов Шевченко.

Тарас Григорьевич стал собирать книгу. Он назвал ее «Кобзарь». И в том же году книга была выпущена в свет.

Столичная критика, как мы говорили, иронически отнеслась к книге, но на Украине стихи Шевченко произвели потрясающее впечатление.

Один из писателей (Квитко) написал Шевченко о своих чувствах после прочтения книги:

«Волосы на голове поднялись, в глазах зеленело, а сердце как-то болит. Я прижал вашу книгу к сердцу. Хорошо, очень хорошо».

Шевченко понял, что его поэзия может дать людям больше, чем его живопись. Слова с большей силой, чем краски, проникают в человеческое сердце. Словами можно скорее договориться с людьми. Можно скорее сообщить о том, что занимало и тревожило поэта.

Шевченко стал все больше и больше уделять времени стихам.

Он стал поэтом.

9. На родине

Весной 1843 года Шевченко поехал на Украину. Он давно хотел побывать на родине, чтобы увидеть ее новыми глазами.

Пятнадцать лет назад он подростком покинул свое родное село. Теперь он был взрослым человеком, много передумавшим и многое понявшим. Теперь ему было тридцать лет.

Огромные перемены произошли в его жизни. Он был на родине крепостным, кухонным мальчиком, пастухом, – теперь он был известный художник, получивший награды за свои работы, теперь он был популярный автор «Кобзаря», книги, которая так прилась по душе здесь, на Украине.

Вспоминая наше детство, мы обычно с трудом можем увидеть себя в том маленьком человечке, который пятнадцать или двадцать лет назад жил, чувствовал, плакал и огорчался. Я не помню, кто-то сказал, что «крыса, прошедшая через Малую Азию, не помнит – та ли она крыса, которая вышла из дому».

И действительно, дальний путь, много препятствий, беды и огорчения на жизненном пути притупляют наши воспоминания. Но воспоминания детства у Шевченко были слишком тягостны и слишком остры, и он ничего не забыл из того, что было.

И теперь он с чувством огромного волнения ехал на родину.

Но он не сразу посетил свою родную Кирилловку. Казалось, что его что-то удерживает. Казалось, что он не хочет сразу столкнуться с тем тяжелым и печальным, с чем он ожидал столкнуться.

Тарас Шевченко. Михаил Михайлович Зоценко zoschenko@mail.ru
Он лето прожил в Киеве и в имениях своих новых друзей. Он там писал портреты и, так сказать, в новом своем качестве знакомился с помещичьим бытом.

Он посещал дворянские балы, ездил в гости к помещикам, заводил с ними знакомство, но всюду, как и в Петербурге, где бы он ни бывал, он чувствовал тяжесть в своем сердце и ту тревогу, которая не покидала его, когда он думал о несправедливости, о насилии, нищете и богатстве.

Здесь, на родине, в богатых имениях своих новых знакомых, он на каждом шагу видел крепостной гнет. Его удручали и ужасали картины бедности закрепощенных людей, картины рабского труда и бесправия.

Приехав однажды к одному из помещиков в гости, он увидел, что хозяин «поучил» слугу – ударил по лицу, как тогда говорилось, «побил из собственных ручек». Это была обычная, повседневная сценка в помещичьем доме. Шевченко, увидев эту расправу, страшно смутился и покраснел. Он надел шапку и ушел, хотя его удерживали и даже умоляли остаться.

Он видел и еще более тягостные сцены из помещичьей жизни. Все это жгло сердце Шевченко. Ему казалось, что он должен во все это вмешаться, как-то помочь народу, что-то сделать, чтобы облегчить его участь.

Осенью он побывал в родном селе.

Теперь, когда он был свободным человеком, все показалось там ему еще более ужасным, чем раньше.

Он пробыл в своем селе меньше месяца и уехал оттуда с чувством тяжелой тоски.

Зимой он вернулся с Украины в Петербург. В своей поэме «Сон» он написал прощание:

Я с тобой прощаюсь, край мой,
Что богат тоскою.
Наши муки, злые муки,
В тучи я укрою...

О своей поездке на родину он написал одному из своих друзей:

«Был на Украине... Был везде и все плакал: разорили нашу Украину...»

Вернувшись в Петербург, Шевченко все меньше и меньше уделял внимания живописи. Он теперь усиленно работал над стихами. Но его новые стихи не совсем были похожи на его первые опыты. Лирика стала уступать место политике, вернее – наряду с глубоким и нежным чувством к людям уживалась непримиримая ненависть к врагу, к поработителям, к строю, который был так беспощаден к трудящимся. Шевченко стал призывать к борьбе, к мести, к уничтожению царского строя.

В своей поэме «Сон», которую он написал после возвращения с Украины, Шевченко мечтает об освобождении родины из-под гнета царской власти, он мечтает о раскрепощении крестьян, жизнь которых непереносима:

Латаную свитку с бедняка снимают,
С кожей снимают – нечем ведь обуть
Недорослей барских...

В этой поэме Шевченко с большой иронией и злостью пишет о царе и об его царедворцах:

Что ж, пойти бы посмотреть бы
На царя в палате –
Что там делают. Вхожу я,
Знать стоит пузата.
Все рядом, все с сапом, с храпом,
Все понадувались, как индюшки...

В том же году Шевченко написал еще несколько замечательных стихотворений. Но и стихи, и Петербург, и Академия не успокоили Шевченко. Он решил снова поехать на Украину. Ему казалось, что там он принесет больше пользы для своей родины. Здесь он был спокоен. Его все волновало. Он буквально не находил себе места. Он писал в стихотворении, посвященном актеру М. Щепкину:

Научи меня, кудесник,
Друг мой седоусый,
Как быть в мире равнодушным..

Но он сам знал, что для этого надо было сделать. Для этого надо было быть безучастным ко всему, для этого надо было «схоронить живое сердце». Но он этого не хотел:

Схоронить живое сердце
Жалко мне до боли.
Может быть – придет надежда,
Приплывет с водою..
С нею легче заживется
Мне на белом свете..

Он не мог и не хотел «схоронить свое живое сердце», потому что он был сын своего народа, страдания которого были велики. Он не желал равнодушия, потому что он хотел «хоть сквозь сон увидеть правду над родной землей».

А для того чтобы «увидеть правду над родной землей», нужна была борьба, нужны были ненависть и гнев.

Получив звание свободного художника, Шевченко распрощался с Академией и снова, весной 1845 года, уехал на родину.

Он объездил Украину. И много писал. И это были лучшие его стихи. Они были направлены против насилия, против церкви, против царя и помещиков.

В этих своих стихах Шевченко выступал уже не только от имени угнетенного украинского народа. Он говорил и о других народах, поработанных царской властью.

Гнев и ненависть, тоска и надежда – вот чувства, которые волновали поэта.

Помимо стихов, Шевченко стал работать и в качестве художника. Он выехал в командировку «для разыскания и срисовывания исторических памятников».

Он также приступил к изданию «Живописной Украины» и привлек к этой работе художников и писателей.

Он знакомился с известными деятелями того времени. В частности, он познакомился и сблизился с Костомаровым, который в то время был вождем украинского славянофильства.

Костомаров и его друзья, члены так называемого Кирилло-Мефодиевского братства, стали приглашать Шевченко на свои собрания.

Шевченко по своим воззрениям не подходил к обществу украинских либералов. Устав братства требовал искоренения рабства и всякого унижения низших классов. Шевченко же шел дальше, – он отрицал не только торговлю людьми, но и торговлю землей. Шевченко был сторонником более решительных действий – он призывал к восстанию. Салонные же разговоры об ужасах рабства его не устраивали.

Но к братству Шевченко относился с уважением, и с Костомаровым он весьма сблизился и полюбил его.

Весной 1847 года киевский студент Петров, случайно вошедший в Кирилло-Мефодиевское братство, подал губернатору донос о существовании тайного общества.

В своем доносе студент сообщил, что «члены общества затевают народный бунт и произносят дерзкие слова против государя...»

10. Арест и ссылка
И вот заработало знаменитое III Отделение.

Начальник III Отделения генерал Дубельт отдал распоряжение об аресте всех членов крамольной организации.

В Киеве начались аресты. Среди бумаг одного из членов братства были обнаружены

Тарас Шевченко. Михаил Михайлович Зоценко zoschenko1hai1.ru стихи Шевченко. По словам полиции, стихи были «исполнены ненависти к правительству». В них говорилось о страданиях, о пролитой крови, цепях, кнуте, о Сибири и прочее.

Шевченко в это время был в Черниговской губернии. Он собирался в Киев, куда был приглашен на свадьбу к Костомарову.

Полиция стала следить за ним. И Шевченко был арестован по приезду в Киев.

Тотчас он был под конвоем отправлен в Петербург. Шеф корпуса жандармов граф Орлов лично следил за ходом следствия.

Но донос явно преувеличивал значение заговора. Казалось бы, что ничего угрожающего для государства не было в программе братства. «Уничтожение религиозной розни между славянскими племенами», «насаждение грамотности», «союз славянских государств под скипетром царя...» По мысли графа Орлова, это был «бред молодых людей».

Конечно, братство еще требовало уничтожения крепостного права, но не путем восстания.

Граф Орлов весьма милостиво отнесся к членам тайного общества.

В докладах Николаю I граф писал, что в мыслях братства не было «ни народных потрясений, ни переобразования законной власти в России».

Для пользы же дела и чтоб и другим неповадно было устраивать тайные общества, двух руководителей братства приговорили к четырем годам крепости.

Но дело о Шевченко выделено было в особое дело, тем более, что он фактически не состоял в членах братства.

Полиция тотчас поняла, кто является наиболее опасным для правительства.

Помимо стихов «возмутительного характера», в бумагах Шевченко найдены были карикатуры на царских особ.

Началось следствие над Шевченко, но не как над членом общества, а как над поэтом, призывающим народ к революции.

Если другие члены братства склонили свои головы перед Николаем I, то этого не случилось с Шевченко.

Его спросили:

«Какими случаями доведены вы были до такой наглости, что писали самые дерзкие стихи против государя императора, столь нежно поступившего при выкупе вас из крепостного состояния?»

Шевченко ответил:

«Будучи еще в Петербурге, я слышал везде дерзости и порицания на государя и правительство. Возвратясь в Малороссию, я услышал еще более... Я увидел нищету и ужасное угнетение крестьян помещиками... Все это делалось и делается именем государя и правительства...»

Это уже был не верноподданнический ответ члена братства, это был ответ революционера и «опасного государственного преступника».

Во время всего следствия Шевченко вел себя удивительно спокойно, мужественно и с чувством большого достоинства, что еще больше озлобило III Отделение.

Некоторые ответы, сказанные на следствии, показывают, что Шевченко несколько даже иронизировал над своими судьями.

Шевченко спросили:

«Почему ваши стихи нравятся вашим друзьям, когда они лишены истинного ума и

Тарас Шевченко. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1hai1.ru
всякой изящности? Не за дерзости ли и возмутительные мысли?»

Шевченко ответил с явной насмешкой:

«Стихи мои нравятся, может быть, потому только, что они написаны по-малороссийски».

Два месяца тянулось это следствие. И наконец было признано, что Шевченко «действовал отдельно, увлекаясь собственной испорченностью».

Он был приговорен к ссылке без срока. Он был отдан в распоряжение военного ведомства, с тем чтобы его определили в солдаты в какое-либо отдаленное место.

На приговоре Николай I собственноручно «изволил начертать»: «Под строжайший надзор с запрещением писать и рисовать».

Одним росчерком царского пера Николай I заканчивал литературную деятельность поэта.

Тотчас Шевченко под присмотром фельдъегеря был отправлен в Оренбург и оттуда в Орскую крепость.

И вот потянулась скорбная жизнь ссыльного поэта. Смрадная казарма, бессмысленная шагистика, свист розог и всякого рода унижения – вот из чего состояла жизнь николаевского солдата.

Казармы закрывались в девять часов вечера, и Шевченко, обессиленный от военных упражнений, без мыслей и чувств, ложился на нары. Даже если бы он имел право писать и рисовать, – он здесь этого не мог бы делать. Особенно тяжелы были первые месяцы, когда начальство проявляло усиленное рвение сделать из Шевченко бравого солдата.

«Все прежние мои страдания, – писал Шевченко из ссылки, – в сравнении с настоящим были детские слезы».

Тут, в крепости, были грубые и пьяные солдаты, пьяные, потерявшие всякую честь офицеры, ссыльные дворяне и всякого рода проходимцы.

Впоследствии в своем дневнике Шевченко писал:

«Я и не воображал о существовании таких гнусных исчадий нашего общества».

Первые месяцы ссылки были тем более ужасны, что поэт был отрезан от всего мира. И в столице и на Украине запрещалось произносить его имя. Никто не смел и думать о переписке с Шевченко.

Связь с «государственным злодеем» почиталась немаловажным преступлением. За это можно было легко пострадать. Это было небезопасно.

Шевченко не знал об этом. Он думал, что все друзья отвернулись от него. И от этого он страдал еще больше.

Но вот стали приходить первые письма с Украины и из Петербурга. И с каждым письмом в Шевченко как бы вливалась жизнь. Все показалось не так уж безнадежно, не так омерзительно.

Снова у Шевченко возникло непреодолимое желание писать или рисовать. Но жестокое запрещение царя было слишком категорическим.

Тем не менее Шевченко послал прошение шефу жандармов о дозволении ему рисовать пейзажи. Но дозволения не последовало.

Тогда Шевченко стал писать тайком. Он сшил себе маленькую тетрадь и носил ее за голенищем.

Шевченко писал:

И вот опять пришлось таиться

Тарас Шевченко. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Под старость с музой своей.

В бурьяне спрятаться и плакать,

Скрывая думы от людей.

Проходили томительные дни. Непривычный климат действовал на Шевченко удручающе.

Он с тоской вспоминал о своей милой Украине. Он писал, глядя на унылые оренбургские степи:

И там степи, и тут степи,

Да тут не такие –

Ржавы, ржавы, даже красны,

А там голубые...

Шевченко стал болеть. Он сначала заболел цингой. Потом ревматизмом. Ему позволили жить на частной квартире. Но он слишком уж рьяно воспользовался своей свободой, – он стал не таясь писать и рисовать пейзажи. И поэтому его снова водворили в казарму.

Между тем друзья, несмотря на всякие строгости, старались облегчить участь Шевченко. Ему стали посылать книги и посылки.

Весной следующего (1848) года Шевченко, стараниями друзей, был назначен в экспедицию, которая отправлялась в Аральское море. Он зачислен был в эту экспедицию в качестве художника для зарисовки берегов.

Это было исключительно трудное путешествие – сначала по знойной, безводной пустыне, потом на шкуне по малоисследованному Аральскому морю. Но все же это была значительная перемена в жизни Шевченко. Тут уже не было смрадной казармы, тягостной муштры, пьяного ротного командира и того томительного однообразия жизни, которое так страшило поэта в Орской крепости.

Больше того, тут, в экспедиции, Шевченко был художником. И с чувством огромной радости он принялся за свое любимое дело.

За этот период жизни Шевченко сделал замечательные работы акварелью и карандашом. Кроме того, он написал значительное количество стихов, в которых остался верен самому себе, они полны ненависти к царской власти и к угнетателям народа.

11. Роль личности в истории жизни человека

Осенью 1849 года экспедиция по обследованию Аральского моря закончилась, и Шевченко был отправлен в Оренбург для отделки «живописных видов», что было невозможно сделать в море.

В Оренбурге Шевченко прожил полгода. И это был до некоторой степени светлый период его жизни в ссылке.

Начальник края генерал Обручев терпимо отнесся к ссыльному солдату. Он даже пообещал походатайствовать о представлении его в унтер-офицеры. Ему понравились художественные работы Шевченко. Конечно, это было нарушение приговора, но он снисходительно отнесся даже к тому, что Шевченко писал портрет с его жены.

После тюрьмы и казармы Шевченко мог теперь отдохнуть. Он жил в отличном доме у адъютанта генерала Обручева. С этим адъютантом Шевченко весьма сблизился и даже подружился. Шевченко подружился также с группой польских изгнанников.

Друзья и работа скрашивали жизнь поэта. Но тоска его была велика. Будущее было темно. Молодость проходила. Шевченко писал в Оренбурге:

Три года грустно протекли...

Украдкой схоронило море

Мои – не золото-серебро –

Мои лета, мое добро,

Мою тоску, мои печали –

Все, что в незримые скрижали

Внесло незримое перо...

Но с ним оставалась его поэзия, его творчество. И это придавало ему силу жить. Шевченко писал:

И пусть же будет то, что будет.

Тарас Шевченко. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru

Не перестану я писать,
Хотя б за это присудили
Меня распятию предать!
В своих стихах Шевченко был по-прежнему мужественным и бесстрашным борцом за те идеи, которые привели его сюда.

Шевченко писал:

Может, сам на небеси
Смеешься, батюшка, над нами
И держишь свой совет с панами,
Как править миром...
Сдается мне, тебя, владыку,
Давно уж люди проклинали...
Однако сносная жизнь поэта была вскоре нарушена. Прапорщик оренбургского гарнизона Исаев, повздорив с Шевченко, написал донос на имя генерала Обручева.

В доносе прапорщик указал, что Шевченко, вопреки царскому приказу, пишет и рисует и ходит по улицам в штатском платье.

Генерал Обручев, получив донос, струсил. Он подумал, что прапорщик, чего доброго, пошлет или уже послал такой же донос в III Отделение.

Винником же поблажек ссыльному отчасти был сам Обручев. И, стало быть, своей головой он должен был отвечать за все.

Надо было действовать, чтобы спасти свою шкуру.

Генерал отдал распоряжение арестовать Шевченко и произвести у него обыск. Генерал надеялся найти у Шевченко что-либо предосудительное.

Однако приказ об аресте дан был адъютанту, который находился в приятельских отношениях с Шевченко. И адъютант успел предупредить поэта об обыске.

Шевченко вместе с друзьями успел уничтожить то, что его могло скомпрометировать. Однако поэт не захотел уничтожить все. Письма друзей и некоторые рисунки Шевченко оставил. Он сказал своим друзьям, что надо кое-что оставить для инквизиторов, а то они подумают, что добрые люди и знать его не хотят.

В общем, в руки полиции попались два альбома с рисунками, несколько стихотворений и пачка писем.

Приложив вещественные доказательства к своему заявлению, генерал Обручев тотчас направил дело о ссыльном поэте в III Отделение. Тем самым он застраховался на случай доноса прапорщика.

Шевченко же посадили на гауптвахту и оттуда отправили в Орскую крепость и там заключили в тюрьму.

И вот началось следствие над ссыльным солдатом, посмевающим писать и рисовать вопреки царскому распоряжению.

Снова заработало III Отделение. Снова граф Орлов доложил государю о случившемся. Снова началось следствие.

Несколько месяцев поэт сидел в Орской тюрьме в ужасных условиях, без всякой надежды на то, что к нему отнесутся снисходительно.

Но вот следствие закончилось. Последовала высочайшая резолюция: «Отправить Шевченко в места еще более отдаленные, в Новопетровское укрепление, и там держать его под строжайшим надзором, без права переписки и тем более без права писать и рисовать».

Ближайшее начальство Шевченко получило строгий выговор. Что касается генерала Обручева, то он вышел сухим из воды.

И вот Шевченко выпущен из тюрьмы. На лодке из города Гурьева его везут по Каспийскому морю в Новопетровское укрепление (Александровский форт).

Это место пустынное и дикое. За укреплением – безграничные выжженные солнцем степи. Полное отсутствие растительности. Восточные азиатские ветры. И неприветливое Каспийское море.

Само укрепление было только недавно основано. Там было всего две роты солдат, несколько офицеров, врач и священник.

И вот здесь провел Шевченко более семи лет. Первый год ссылки был особенно ужасен. Ротный командир, в лапы которого попал Шевченко, был грубый, бессердечный, некультурный и придирчивый человек. Он, казалось, задался целью истребить поэта всеми законными средствами.

Он делал неожиданные обыски, когда Шевченко выходил из казармы. Он стаскивал с него сапоги и шарил по карманам, надеясь найти клочок бумаги или карандаш. Он кричал и подтягивал Шевченко, обещая его пороть в случае малейшего нарушения службы.

Он заставлял Шевченко целыми днями маршировать и делать ружейные приемы. Посылал его на тяжелые фортовые работы. И ни на шаг не выпускал из казармы без надзора.

Шевченко казалось, что жизнь его закончена. Друзья, которые писали ему раньше, перестали писать. Шевченко не знал, что полиция запретила им переписку.

Шевченко наиболее тяготило полнейшее одиночество. Ему не с кем было сказать слово. Солдаты чуждались его, вернее – им не очень-то позволяли «поддерживать связь» с рядовым из политических преступников.

Мы не можем себе представить всей той тяжести, которую нес ссыльный поэт в первые годы своей жизни в Новопетровском форте.

С каждым месяцем ротный командир все более зверел и все более «цукал» поэта.

Но вот неожиданно произошла перемена.

В 1853 году умер комендант форта, и на его место прислан был новый комендант, некто И. Усков.

Это был, как писал Шевченко в своем дневнике, «человек порядочный и семейный».

Этот комендант и его жена постарались улучшить тяжелую жизнь Шевченко.

Уже через несколько месяцев после назначения Ускова поэт мог приняться за литературную работу. Он стал писать прозу.

У него снова началась переписка с друзьями. Он снова просветлел. И снова появились у него надежды.

Семья Ускова любила Шевченко. Он стал у них бывать как знакомый. Он с нежностью нянчил их детей. Сам комендант Усков подал рапорт начальнику края с просьбой разрешить Шевченко написать красками запрестольный образ «для благолепия местного храма».

Однако разрешение получено не было.

Но вот в 1855 году умер Николай I.

Поэт ждал каких-нибудь перемен в своей участи. Но перемен не последовало.

12. Возвращение

Снова проходили долгие месяцы и годы, – Шевченко оставался в ссылке.

Петербургские друзья старались сделать все возможное для освобождения его от солдатчины. И наконец, спустя два года после смерти Николая I, Шевченко был амнистирован.

Осенью 1857 года Шевченко покинул место ссылки. Его радость была велика. Но чувство тоски не покидало его.

Семь лет назад его доставили на лодке в Новопетровский форт. И тогда он был молод и бодр. Сейчас та же лодка увозила на вольный берег седого, угрюмого старика. Он не был стар, ему было всего сорок четыре года, но он казался стариком, разбитым, с потухшим взглядом.

Однако его сердце вновь ожило, и он вновь почувствовал прилив огромной энергии и радости жизни, когда наконец он приехал в Астрахань.

Здесь друзья и земляки встретили его с таким участием и с такой теплотой, что все недавние беды были почти позабыты. Он снова встретил людей, искренно его любящих, почитающих его ум, его поэтический талант, его замечательное сердце, его волю революционера и борца за освобождение трудящегося народа.

Из Астрахани Шевченко отправился на пароходе в Саратов и в Казань. И наконец приехал в Нижний.

Неожиданно возникли препятствия к дальнейшему пути Шевченко, – полиция запретила ему въезд в Москву и в Петербург.

И здесь, в Нижнем, Шевченко пришлось задержаться на полгода.

Здесь, как и в Астрахани, Шевченко встретили необычайно тепло и взволнованно. Почитатели и друзья постарались окружить его вниманием и заботой. Всюду его встречали так сердечно и с таким высоким почитанием, что Шевченко был потрясен.

Теперь ему казалось, что недаром прошла его молодость. То искусство и те мысли, за которые он так тяжело расплатился, были нужны и полезны народу. За это можно не пожалеть своей жизни.

Снова у Шевченко появилось непреодолимое желание заниматься искусством, писать стихи.

Он вновь принялся за стихи, за которые почти не брался в Новопетровском укреплении.

Шевченко только что вернулся из ссылки. Он только что почувствовал радость свободы. Казалось бы естественным, если б он теперь писал более осторожно и более сдержанно. Но поэт по-прежнему оставался в своих стихах тем непреклонным человеком, тем политическим борцом, каким он был всегда.

В своих стихах, написанных в Нижнем Новгороде, он прославляет декабристов и с прежней ненавистью пишет о Николае:

Безбожный царь, зачинщик зла,
Гонитель правды престестокый,
Что натворил ты на земле!
Стало быть, ни тюрьма, ни ссылка, ни унижения ничего не смогли сделать с поэтом. Он оставался таким же, как был, сыном своего народа – мощным, неподкупным и мужественным. Идея его была выше его жизни, выше его личного счастья и спокойствия.

Между тем физическое его здоровье было совершенно неудовлетворительно. Он перенес в ссылке жестокий ревматизм, который в значительной степени испортил его сердце.

Физически Шевченко был изломан тюрьмой и лишениями. Тем более удивительно было видеть в нем его прежнюю нравственную силу.

Теперь, вернувшись из ссылки, Шевченко более всего страшился одиночества. Из всех лишений в ссылке – одиночество было для него наиболее тягостным.

Он пришел к мысли, что ему следует жениться, что это избавит его от тоски, от дурных нервов и от страха одиночества.

Ему понравилась одна актриса. Это была совсем еще молоденькая девушка. Ей было всего лишь шестнадцать лет. [6] Она почтительно и робко смотрела на знаменитого поэта.

Разница в годах была слишком значительная. Тем не менее Шевченко сделал ей предложение.

Шевченко не был женат. Женщины играли роль в его жизни, но эта роль не была сколько-нибудь значительна. Вернее, женщины ни в какой степени не изменили его жизни поэта и общественного деятеля. Вот почему мы говорим о незначительности роли женщины в его судьбе.

Мы даже не сочли возможным, говоря о жизни Шевченко, всякий раз останавливаться на каком-либо его личном отношении к той или иной женщине.

Между тем Шевченко не раз увлекался и не раз был влюблен. Как сказал про себя поэт Блок:

«И был я в розовых цепях у женщин много раз».

Шевченко много раз был «в розовых цепях». И, нет сомнения, это благотворно влияло на его поэзию.

В своем дневнике, написанном в последние годы его жизни, Шевченко вспоминает об одной девушке. Он ее любил, когда ему было семнадцать лет. Он тогда был в Вильно казачком у помещика Энгельгардта. Он хотел на ней жениться, но брак не состоялся, потому что он был крепостной раб. А она была свободная девушка. Шевченко на склоне своей жизни увидел ее во сне и записал об этом в дневнике. Это показывает, как сильно было его чувство.

Биографы приводят несколько случаев, когда Шевченко был увлечен и собирался жениться. Известен случай, когда Шевченко полюбил подругу своего приятеля, художника Сошенко. И та ушла к нему. Это послужило причиной ссоры между друзьями. Между тем любовь к этой девушке была непродолжительной.

Но нам кажется наиболее характерным первое чувство Шевченко. Первые впечатления всегда бывают наиболее яркие и наиболее показательны.

В одном из своих стихотворений Шевченко пишет о том, как он пас коров и как ему однажды сделалось невероятно тоскливо, и о том, как его маленькая подруга, увидев его горе, поцеловала его.

Шевченко пишет, какое нежное и глубокое чувство тогда возникло у него, двенадцатилетнего мальчика:

Как будто солнце засияло,
Как будто все на свете –
Поля, леса, сады – стали моими...
Это показывает, какое удивительно сильное чувство он мог испытывать, каким глубоким могло быть влияние женщины на Шевченко.

Но этого не случилось. Нет сомнения, что внешние причины (рабство, тюрьма, лишения) были велики, но помимо этого тут, вероятно, были и внутренние причины, нам неизвестные, какой-то, может быть, душевный конфликт или предубеждение.

Итак, сорокачетырехлетний Шевченко сделал предложение молоденькой актрисе, которую он полюбил.

Но девушка была слишком молода. Она дрожала от страха, когда поэт заговаривал с ней о своем чувстве. Родители были против. И брак не состоялся.

Это дурно повлияло на Шевченко. Он был мрачен, и к нему все чаще приходили мысли об ушедшей молодости.

Он уехал в Петербург, куда наконец полиция разрешила ему въезд.

В Петербурге Шевченко позабыл о своем сердечном горе.

Снова близкие друзья, снова пламенные почитатели, снова прекрасный город, в котором Шевченко провел свои молодые годы, – все это отвлекло его от мрачных мыслей.

Но шум и почести не доставляли Шевченко удовлетворения. Он уже старался избегать новых знакомств, стал бояться, что сделается «модной фигурой» в Петербурге.

Но он не мог избежать славословий. Он теперь был очень популярен, и слава его была велика.

13. Последние годы

Шевченко приехал в Петербург весной 1858 года. И тут суждено было прожить ему всего лишь три года. В марте 1861 года он умер.

Он приехал в Петербург с разрушенным здоровьем. Тюрьма, тяжкие годы ссылки, болезни, перенесенные там, сделали свое черное дело, – богатырская натура Шевченко начинала сдавать. Но дух его был необычайно бодр. Он чувствовал себя сильным и даже, по временам, счастливым. Тут у него были друзья, искренне и сердечно его любящие.

С радостью он снова приступил к работе.

Уже через месяц после приезда в Петербург он начал хлопотать в цензурном комитете о разрешении выпустить новое издание «Кобзаря». Но это разрешение получить было не так просто. Имя Шевченко звучало слишком грозно для правительственных учреждений.

Шевченко озаглавил свою книгу «Поэзия Т. III.». Но и эта предосторожность не ускорила издания.

Более чем через полгода Шевченко получил наконец разрешение печатать свои стихи. И то цензор наложил на них свою руку и, как пишет Шевченко, «так покрестил их, что я едва узнал своих детей».

Шевченко не позабыл и о своем другом деле – он стал работать в живописи и в гравюре.

Все, казалось бы, складывалось хорошо, но, если так можно сказать, в душе Шевченко было что-то сломано. У него уже не было того душевного равновесия, которое необходимо для искусства.

И. С. Тургенев в своих воспоминаниях пишет о Шевченко, что «он вернулся в Петербург с запасом горечи на дне души». И это было так.

Но эта горечь в меньшей степени относилась к его личной жизни. Эта горечь была велика, потому что его братья и сестры оставались крепостными, потому что оставались закабаленными «мужики», потому что в России был ненавистный ему царский строй и потому что нельзя было тотчас это изменить и поправить.

Эта горечь убийственно действовала на здоровье Шевченко. Он снова не находил себе покоя, снова метался от дела к делу.

Он поехал на Украину, где не был более двенадцати лет. И там, на родине, снова увидел то, что всегда приводило его в содрогание. Он снова увидел адский труд, бедность, слезы, снова увидел почерневшие соломенные крыши нищих крестьян.

Вот что наиболее всего было причиной его сердечной тоски.

В общем, поездка на родину не успокоила Шевченко. Поездка еще более взволновала его. Раны снова раскрылись. С чувством болезненной тоски Шевченко писал:

Где скрыться мне?

Кругом Пилаты распинают,
Морозят, жарят, припекают
Людей на медленном огне.

Между тем полиция зорко следила за каждым шагом Шевченко на Украине. Полиции стало известно, что на одном из диспутов Шевченко «богохульствовал и говорил, что не нужно ни царя, ни панов, ни попов».

Шевченко был арестован. Начались следствие и допросы.

Тарас Шевченко. Михаил Михайлович Зощенко zoschenko1911.ru
Но обвинение было недостаточно основательным для создания крупного дела. Шевченко был освобожден, так как гуманному губернатору Васильчикову показалось, что полиция арестовала его «из желания выслужиться за счет ближнего».

В данном случае губернатор ошибся. Но все же он был хороший психолог и отлично, видимо, знал нравы полиции. «Из желания выслужиться за счет ближнего» – не такое уж было редкое явление в полицейском ведомстве.

С чувством еще большей горечи Шевченко вернулся в Петербург. Теперь Шевченко казалось, что он слишком мало сделал для народа, что он не помог народу, что его жизнь проходит бесцельно.

С огромным чувством ненависти он писал, обращаясь к богу, в которого не верил:

Царей, кровавых шинкарей,
В оковы крепкие закуй,
В глубоком склепе замуруй.
Рабочим людям, всеблагий,
На их обкраденной земле
Свою ты силу ниспошли.

В Петербурге Шевченко стал знакомиться с русскими революционерами, стал налаживать связи с представителями русской демократии. В частности, он познакомился с Чернышевским, Добролюбовым, Курочкиным.

Шевченко полностью разделял взгляды Чернышевского, который считал, что никакие царские реформы не избавят народ от гнета помещиков, – нужна борьба, нужен топор, который разрубит узел.

Иной раз Шевченко казалось, что его борьба за раскрепощение народа ничего не сделала и никому не помогла. Но это было совершенно не так. Тайный кружок Петрашевского распространял стихи Шевченко с агитационной целью. Стихи Шевченко с огромной силой действовали на читателя. Поэт и революционер вел за собой народные полки и выигрывал сражения, казалось бы, в неравной борьбе с царским правительством. Но эти победы не были еще ощутимы. И чувство горечи у поэта возрастало.

Ему теперь казалось, что его жизнь закончена, молодость прошла. Может быть, следовало бы уехать куда-нибудь на берег Днепра и там, в тишине, скоротать свою жизнь.

Шевченко просил своего «названного» брата Варфоломея Шевченко купить ему клочок земли на берегу Днепра, с тем чтобы построить там хату. Шевченко просил брата посватать ему одну крепостную девушку Харитину, которая ему приглянулась, когда он был в последний раз на Украине.

Варфоломей уговаривал Шевченко жениться на панночке, а не на крепостной. Но Шевченко ему ответил:

«Я по плоти и по духу сын и родной брат нашего народа, – так как же я могу соединиться с панами кровью».

Брат Варфоломей не смог сосватать ему Харитину. Почти год тянулось его сватовство, и девушка наконец ответила Варфоломею, что она «еще не думает выходить замуж, и тем более за лысого и седоусого».

Между тем клочок земли был найден. Но покупка откладывалась – продавец не очень-то желал иметь Шевченко своим соседом.

И вот выходило, что сватовство и покупка земли не могли состояться.

Тогда в Петербурге Шевченко сделал предложение другой девушке, тоже крепостной, горничной из одного дворянского дома. Эта девушка Лукерья согласилась пойти за Шевченко. Но Шевченко поссорился с ней, узнав, что она хотела пойти за него по расчету.

В общем, и эта женитьба расстроилась. Но и тут мужественное сердце поэта не было разбито. Он лихорадочно принялся за работу. Он задумал издать все свои сочинения. И, кроме того, он взялся за новую работу – он стал составлять

Тарас Шевченко. Михаил Михайлович Зоценко zoschenko11.ru
учебники и буквари для народа.

Он пришел к мысли, что народу прежде всего надо быть грамотным и культурным, для того чтобы сбросить с себя иго помещиков и царя.

Шевченко составил букварь на украинском языке и принялся за составление учебника арифметики.

Букварь вышел. И Шевченко стал рассылать его по сельским школам. Но тут встретились препятствия. Власти без удовольствия смотрели на эту новую затею поэта. И его буквари не всюду проникли в сельские школы.

14. Смерть Тараса Шевченко
К осени 1860 года здоровье Шевченко крайне ухудшилось.

Перенесенный в ссылке ревматизм испортил его сердце. Начиналась водянка.

Врачи уложили больного в постель. И потребовали, чтобы он был спокоен. Но этого спокойствия у Шевченко не было.

Со дня на день Шевченко ожидал манифеста о раскрепощении крестьян. Но манифест все еще не появлялся.

Два месяца Шевченко безвыходно сидел дома. Но он продолжал работать до последних дней.

Болезнь между тем приняла угрожающие формы. Один из врачей сказал: «Вода бросилась в легкие и затопила все надежды».

В шесть часов утра 9 марта (26 февраля) 1861 года Шевченко, спустившись в свою мастерскую, упал на пороге и, не приходя в сознание, умер.

Умер замечательный народный поэт. В своем завещании (1846 год) он написал:

Как умру – похороните
На Украине милой...
Схороните и восстаньте,
Цепи разорвите,
Злою вражескою кровью
Волю окропите.
И меня в семье великой,
В братстве вольном, новом
Помянуть не позабудьте
Добрим, тихим словом...
Тело Тараса Шевченко перевезли на Украину. И похоронили на правом берегу Днепра, возле Канева. На смерть Шевченко поэт Некрасов писал:

Не предавайтесь особой унылости:
Случай предвиденный, даже желательный, –
Так погибает, по божьей по милости,
Русской земли человек замечательный.
Слова Некрасова – «случай желательный» – следует понимать в том смысле, что для такого человека, как Шевченко, в России готовились более страшные вещи, чем смерть, тюрьма и каторга.

Так и оказалось. После смерти Шевченко возникло дело о заговоре против помещиков. Будущий сосед Шевченко (у которого покупалась земля) послал донос в полицию на поэта и на его последователей.

Несколько месяцев шло следствие, и, если б Шевченко не умер, он снова был бы в тюрьме и в ссылке. Вот почему так звучат горькие слова Некрасова: «Случай предвиденный, даже желательный».

1939 г.

Примечания

1 Продажа крестьян «в розницу» существовала до 1841 года. Писатель Григорович приводит в своих воспоминаниях сценку, какой он был свидетель. Некий помещик

Тарас Шевченко. Михаил Михайлович Зоценко zoschenkomihail.ru
Коротков говорит своему управляющему: «Жена собирается в Москву... Нужны деньги... Проезжая давеча по деревням, я видел, много там этой мелкоты и шушеры накопилось. Пойди распорядись...» Это означало (пишет Григорович), что управляющему поручалось забрать и продать лишних детей и девок.

2 Интересно отметить, что сам Николай I в своих «Записках» писал о своей учебе: «Граф Ламсдорф нередко меня наказывал тростником весьма больно среди самих уроков».

3 Сковорода – украинский философ XVIII столетия.

4 Четыре струны и тринадцать подструнок.

5 Этот, казалось бы, анекдотический случай из жизни Тараса Шевченко был чрезвычайно характерен для того времени. Хиромантия с давних пор считалась весьма серьезной наукой. Достаточно сказать, что во многих странах (например, в Германии) вплоть до XIX столетия в университетах читались лекции по хиромантии.

6 В прошлом столетии этот возраст считался достаточно зрелым.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://zoschenkomihail.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!